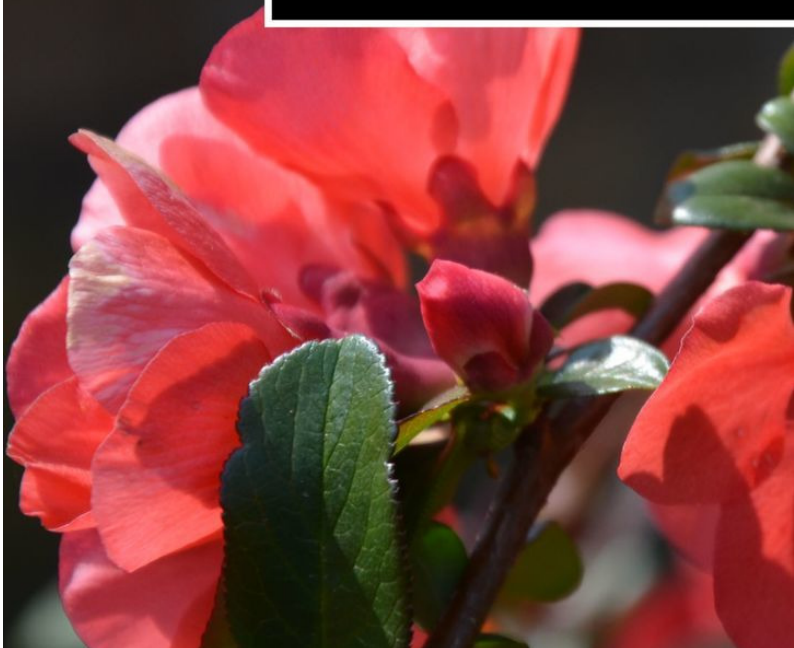

18+

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА

НЕ ПО ЛЖИ

СТИХИ И ПАРОДИИ

Наталья Тимофеева

Не по лжи. Стихи и пародии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349950

ISBN 9785449665751

Аннотация

Не по лжи живу, не славой вящей полнится предсердие моё, я ищу спасенья в настоящем, не хочу для века быть сырьём. Не хочу впадать от жизни в ступор, спрятавшись за ложью кое-как, голос мой – не громогласный рупор, но и не пустяшный лай собак. Мне всегда за правду было больно, ведь давно в России правит ложь. Если и резка я, то невольно, где на всё терпения возьмёшь! Автор.

Содержание

Не по лжи	6
Россия – чёрно-белое кино	6
«Грехопаденье власти тем ужасней...»	8
«Есть племя на просторах Азиопы...»	9
Герои России	10
«Ой люли, ой люли, прилетели звездюли...»	11
«А рыжая осень всех рыжих рыжей...»	13
Исповедальное	15
«Морали бьют по морде сапогом...»	17
«Мы все хотим попасть однажды в рай...»	18
«Ветер безумен, бездумен, неряшлив...»	20
Марине П.	21
К стране	22
«Утро по склону рассыпало блики...»	24
Полночь	25
«Живу не жадно и пою неслышно...»	26
Кесарю	28
«Страна сравнима с кукольным вертепом...»	29
«Когда кончается халява...»	31
«Хлобысь, и зазвенело у врагов...»	32
Многоточие жизни	33
Игра в дурака	34
Про поэтов	35

Скрепноносцам и холуям	37
Не к этим	39
«Месяц, лодочкой качаясь...»	41
Все люди братья	42
«Плачет ветер полуночный...»	43
«Вновь осень надела ноябрьскую схиму...»	44
«В Кремле смешались кони, люди...»	45
Плоть от плоти	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Не по лжи Стихи и пародии

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2019

ISBN 978-5-4496-6575-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не по лжи

Россия – чёрно-белое кино

Россия – чёрно-белое кино
И сумерек закатных отголосок
В моей душе болезненно-срамно
Аукается изредка без спроса.

С ума сойти, вся жизнь прошла за так!
Служение, слежение и... точка.
Был лишь однажды маленький затакт
Внутриутробный, в бюллетене строчка.

От первой боли – до вселенской лжи,
От перекрестья рам оконных – к двери,
Что мир иной за скрипом сторожит
И сердце, пригвождённое к потерям.

Что знаем мы об ужасах времён
Царящих и коптящих инквизиций?
Да вот же, – рядом! Почерк изменён,
Но лица-то, – одни и те же лица!

Лишь убери туман из суеты

И ненавистных Богу наваждений,
Как расцветают алые цветы
Из крови перебитых поколений.

И я убита там давным-давно,
Успев лишь тенью обозначить тело...
Застирано пространства полотно,
И палачи орудуют умело.

Всё тот же ряд из красных кирпичей,
Экскурсовод стоит на месте лобном...
А воздух там, по-прежнему, ничей,
Перебывавший в царствии загробном?

По ком теперь звонят колокола?
Да ни по ком, – медь радуется меди.
Давно в России правда умерла,
А смерды ждут опричнины и плети.

«Грехопаденье власти тем ужасней...»

Грехопаденье власти тем ужасней,
Чем больше эта власть гноит людей.
Кипят в сердцах невидимые страсти,
Но судей нет, и правды нет нигде.

Молчат рабы и, смахивая капли
С натруженных бессмыслицами лбов,
Опять ступают всё на те же грабли
С покорным равнодушием рабов

И ждут героя на коне и с саблей,
Что выскочит, откуда ни возьмись,
И снимет ею череп с шеи дряблой,
Лишь только хорошенько помолись.

Но нет героя, есть на солнце пятна,
Мучнистый лик луны и горький хлеб.
А глупость рабской сути необъятна,
А гнев тиранов злобен и свиреп.

«Есть племя на просторах Азиопы...»

Есть племя на просторах Азиопы,
Лишённое и слуха, и ума.
Оно живёт потребностями жопы,
А вместо сердца каждого – тюрьма.

Когда живьём едят аборигенов,
Они друг другу соль передают.
У них привычка быть рабами в генах,
Они несчастны, если их не бьют.

Они детей рожают на продажу
И радуются жвачке новостной,
А мрут с энтузиазмом, плачут даже,
Коль кто из них для власти не съестной.

Занятие их – быт горизонтальный
Перед экраном с ликами судьбы,
А гений их – плешивый конь педальный,
А будущее племени – гробы.

Но, если кто расскажет им про это,
Они того всем скопом застыдят,
Мол, песня наша вовсе не допета,
Не всех же наши гоблины съедят!

Герои России

Простые деревенские ребята —
Обычные герои ГРУ
Живут в разведке вовсе не богато
И пьют, и курят всякую муру.

Они вдвоём и спят, и ходят вместе,
И женщин любят парой под музон,
И знают всё о долге и о чести:
Мокруха — дата вражьих похорон.

Закон не изменился ледоруба, —
То — в кофе яд, то — на дверной косяк.
Сработано по-деревенски грубо,
И выжил ненавистный мерзкий враг.

Позорище. Маразм крепчает властный,
Настырно лгущий деспот вызвал смех,
Стоит страна на грани, миф опасный
Лелеют воры про его успех.

Со всеми разругались, всех унизя,
Своих людей раздели донага...
Ползут по телу государства слизни
И ищут, ищут подлого врага.

«Ой люли, ой люли, прилетели звездюли...»

Ой люли, ой люли, прилетели звездюли,
Сели на заборе, стали петь про горе.
Горе выплакало слёзы, утонуло в море...

— — —

Нам «нужен рывок», только некуда рваться,
Лишь выскочить можно из рваных порток.
Бандиты Россию без устали мацать
Готовы, накинув платок на роток.

У нашего клона замкнуло сознание,
Он земли задаром врагам раздаёт.
Рабам непонятно царёво дерзанье,
Но жизнь у царя, скажем прямо, не мёд.

Без радости он по экранам гарцует,
Как притча навязшая, речи царя.
Вокруг холуи денно-нощно жируют,
В стране беззаконие твари творят.

И нашим, и вашим, и вместе станцуем, —
Как хочется в вечность хоть чем-то тряхнуть...

А путь у России давно предсказуем,
В ней не наказуемы подлость и жуть.

В ней черти беснуются, мрак, запустенье,
Терпины надеются, верят и ждут,
Что кто-то на белом коне возрожденье
Подарит ей, а не намыленный жгут.

Но полно, в аду не дано трепыхаться.
Распродано поле волшебных чудес.
За вилы давно надо было бы браться,
Да братцев попутал на сказочках бес.

«А рыжая осень всех рыжих рыжей...»

А рыжая осень всех рыжих рыжей,
Туманны её золотые уголья.
Мне рыжая осень всех вёсен родней,
Ведь думы её всех времён благородней.

И бури осенней мне близок разгул:
Укрыться от гнева её грозового,
Как только неистовый ветер задул,
Под крышею дома у жара живого

Огня и под пенье каминной трубы
Свои сочинять немудрящие песни,
Забыв про удары минувшей судьбы, —
Бывает ли что для поэта чудесней?

Жалеть себя тайно, легко и светло,
Как мать, прижимая, жалеет младенца
Больного, чьё горло от крика свело,
И сжалось от страха не детского сердце.

А после налить из баклаги вина
В звенящую чарку, горящую златом,
И выпить причастие это до дна,

Осенней поры своей чествуя фатум.

Исповедальное

Октябрь. Опять мой путь неведом.
Лечу оборванным листом.
И жизнь моя за мною следом
Грохочет, как осенний гром.

Всё было суетой напрасной,
Учёбой троечной моей.
В пустой дали надежды гаснут
На мачтах беглых кораблей.

Кривой ухабистой дорогой
Влачила я свои сумы,
Мне было радости не много
И было близко до тюрьмы.

Я знала множество предательств,
Пришлось болеть и голодать,
И даже, волей обстоятельств,
Убийц подосланных прощать.

Мне чужды зависть, месть и скупость,
Не посвящала чувства им.
Смешат меня чужая глупость
И жажды славы пошлый дым.

Стою пред вечностью. Раздета
Пред Богом брeнная душа.
Отпело бравурное лето,
И осень, златом пороша,

Стучит в окно холодной веткой,
И ветер, мой старинный друг,
Увядших роз крадёт розетки
И лепестки метёт вокруг

Кустов, мешая ароматы
Последней прели вновь и вновь,
Напоминая, что когда-то
Меня спасала лишь любовь...

«Морали бьют по морде сапогом...»

Морали бьют по морде сапогом,
Она не плачет, лыбится и только.
Кто с этой мазохисткой не знаком,
Тот пусть и дальше выживает стойко.

Зачем она нам вообще нужна,
Продажная потворица разврата!
Какого лезет в души к нам рожна,
Когда сама от дьявола брюхата.

«Мы все хотим попасть однажды в рай...»

Мы все хотим попасть однажды в рай.
Особенно, туда хотят владыки.
Сатрапу сколько лет земных ни дай,
Всё будет мало старцу-горемыке,

Собравшему немислимый запас
Из золота, дворцов, кровавых денег...
Но, неподкупный, смотрит с неба Глаз,
И ждёт Господь вставанья с четверенек

Тех, для кого он создал этот мир,
Кто, сдавшись добровольно негодяю,
Вновь голодает, обносясь до дыр,
Прельщённый посулённым светлым раем.

Не будет преференций никому,
Кто мыслить не способен по-иному,
Как только всё доверив одному,
Кто гибелью грозит земному дому.

Покатится в могилу хладный труп
Страны, невинно-преданной народом,
Поверившим словам из подлых губ,

Произнесённым нравственным уродом.

«Ветер безумен, бездумен, неряшлив...»

Ветер безумен, бездумен, неряшлив,
Бешено мчит, обрывая листву.
Шумен, гневлив, говорлив и дурашлив,
Словно старик. Повалившись в траву,
Будто ужаленный, возится, скачет,
Стонет... Ведром жестяным громохнёт
И, перепутав лианы, заплачет,
В трубы печные дохнув, запоёт.
У октября непростые повадки,
Он не страдает от скуки, и впредь
Будет лишать золотые тетрадки
Прежде, чем в поле пустом замереть.
Там он свои полномочия сложит,
Место уступит дождям проливным...
Выстудив землю предзимья до дрожи,
Ветер вдогон посмеётся над ним.

Марине II.

Да, я уже стара для плясок и вина,
Раздумье для меня ценнее разговоров.
И, слава Богу, я на свете не одна,
Любовь моя со мной среди чужих просторов.
Здесь нет кисельных рек и пряничных холмов,
Но есть сосновый бор и чистая водица.
Мы сад сажаем здесь, он окружил наш кров
И, как же хорошо под шорох листьев спится!
Но всё вокруг меня какие-то дела
Пытается начать неведомая сила.
От зависти дрожит она, глупа и зла,
Наверное, в дому посуду всю побила.
Ах, нежное дитя, свяжи себе носки,
Свари кому-то шей, не мужу, так соседям,
А то твоя краса поблекнет от тоски
И ты сойдёшь с ума, моею жизнью бредя.
А, может, ты уже свихнулась? Вот беда!
Не знаю, чем помочь, как отогнать постороже...
Ты только не грызи зубами провода,
От пластика пойдут прыщи по глупой роже.
Ах, милая моя, я так давно живу,
Что мне ясны твои плебейские потуги.
Давай, пошлю тебе я сладкую халву,
А ты станцуешь мне канкан и буги-вуги?

К стране

Глазами вороватого злодея
Ты смотришь на других, моя страна,
А он, от благ невиданных хмелея,
Смеётся, как рогатый сатана.
Он рай своим вассалам обещает,
Он раздаёт награды холуям,
Но, чем живёт страна, он знать не знает,
Зачем ему, ведь главное – он сам.
Он мнит себя персоной крови царской,
Корону громоздит себе на плешь,
А ты, страна, под этой пяткой барской
Из пальмового масла яства ешь.
Отсрочки в этот раз тебе не будет,
Не жди поблажек, в рай дороги нет.
Туда святые попадают люди,
А вор тебе не выпишет билет.
Ты вызверилась стаею шакалей,
У всех вокруг ты вызвала испуг,
Мне сознавать позор твой всё печальней,
Сама себя теряешь ты не вдруг.
Я не боюсь тебе озвучить правду,
Своих детей ты бросила давно,
Ты их века уничтожаешь кряду,
И честь, и совесть с ними заодно.
Грядёт последний бой твой на планете,

Сама себя готова ты убить.
Любви тебе, увы, уже не светит,
Её тебе за деньги не купить.
Что будет дальше? Ничего не будет,
Ведь ты уже нащупываешь дно.
Страна – не нефть, не деньги, это – люди,
А люди пьют невежества вино.
Зачем жалею о тебе, не знаю.
В твой рай звериный точно не спешу.
Тебя Россией я не называю,
Эрэфия, Пугабия пишу.
Смотри, страна, твой круг безумьем сужен,
И от тебя бежит, как от чумной,
Любой, кто с головой своею дружен
И не гордится шайкой воровской,
Что и сама сидит на чемоданах,
Предчувствуя грядущий громкий крах,
Её не ждут в богатых дальних странах.
А в бедной будут голод, мор и страх.
Чего молчишь, страна, не вечна слава,
Историю не учишь ты опять.
Ведь ты – пространство, больше не Держава,
И лишь собой умеешь торговать.

«Утро по склону рассыпало блики...»

Утро по склону рассыпало блики,
Золото льётся в долину, дробясь,
Мне бы хватило и малой толики
Налюбоваться, надуматься всласть,
Да разгулялась по горным отрогам
Осень в понёве своей охряной
И говорит поэтическим слогом,
Радует сердце. Играет со мной
Ветер, щекочет меня паутиной,
Нежно, с прохладцей, касаясь лица,
И аромат разливается винный,
Смешанный с горькой волной чабреца.
Тихо вокруг, отдалённые звуки
Эхом доносятся, по-над рекой, —
Крылья пластая, «мячат» канюки,
С ночи ещё продолжая разбой.
Падают с веток высоких орехи,
Шорох листвы, словно шёпот времён...
Годы мои – ненадёжные вехи,
Дух мой в осенней поре растворён.
Планов не строю, на жизнь не надеюсь,
Бога без дела смешить не хочу,
Только несую невозможную ересь
И над долиной по воздуху мчу.

Полночь

Полночь смотрит исподлюбя
На речной притихший плёс.
На небесные угодя
Набросали звёзды рос.
Слёзна дрожь волшебных крапин,
И в безлунной пустоте
Чертит множество царапин
Свет болидов, оголтел.
Вой шакалий детским плачем
Разрывает тихий сон,
Чёрной тенью обозначен
Лес, недвижно-отрешён.
Время дремлет вдоль дороги
В пыльных зарослях кустов,
Позабыв свои тревоги
Меж кладбищенских крестов.

«Живу не жадно и пою неслышно...»

Живу не жадно и пою неслышно,
Хожу-ступаю я, едва касаясь,
А розы у меня – в сиянье пышном,
И на малине есть цветы и завязь.

Ноябрь подходит, и зима всё ближе,
Покрыта Шипка первыми снегами.
Я эту гору из окошка вижу,
Когда не застит даль туман клубами.

Там прадед мой, Василий Тимофеев,
Когда-то дрался с турками успешно,
И подвиги его тем горячее,
Что генерал не конный был, а пеший.

Во всяком храме на земле болгарской
Героев русских поминают свято,
За схватки с дикой силой янычарской
Здесь чтят и помнят каждого солдата.

Царю поют хвалы без словопрений,
Держа над головами паствы чаши...
В России же героев проклял Ленин
И вытер ноги прошлой славой нашей.

И вот теперь вопят потомки рвани,
Что гадила в усадьбах и поместьях,
Мол, мы теперь приимцы прошлой дани,
Что взяли с «буржуинов» с жизнью вместе.

Коллекции у многих из трофеев,
Жаль чучела набить не догадались.
Вы, генерал, прапрадед Тимофеев,
С такою швалью попросту не знались.

А мне как быть, как плакать и томиться,
Что земли наши нелюдям достались?
Двуглавая ощипанная птица
Пришпилена, охотникам на зависть.

Она короны царские не носит,
Надев горшок на головы давненько...
А у меня тут ветер листья косит,
И смотрит Шипка вниз, на деревеньку.

Пускай воздастся всем по мере яда,
Пролитого на головы героев!
Их ждут позор и бесконечность ада,
И там, в аду, «крещение» огневое.

Кесарю

Легко и красиво живётся кому-то
Без мыслей, без Бога, без близких друзей?
Их свешены губы, их щёки раздуты,
И пышет огнями у них из ноздрей.

Они вам расскажут о «правде и чести»,
Они вам покажут, где Кузькина мать.
Они разнесут о вас грязные вести,
Вас вымазав в дёгте. У них не отнять

Способностей дедовых к стрельбам в затылок,
Ведь гены раздавишь меж пальцев едва ль.
Зато собирается куча бутылок
На кухнях у них и вокзальная шваль.

Наказаны дети и внуки партийцев,
Что в прорезь прицелов смотрели вприщур:
Их души мертвы, отвратительны лица,
Их сумрачны судьбы и в доме сумбур.

Не сладко потомкам шпаны бесноваться,
От желчи во рту хинной горечи вкус.
От Бога им некуда будет деваться,
Когда на тот свет припожалует гнус!

«Страна сравнима с кукольным вертепом...»

Страна сравнима с кукольным вертепом.
Надеты куклы туловом на пальцы.
Хотя и не владеют куклы степом,
Вполне способны драться и плеваться.

Их анилином расписали знатно,
Для зрителей они вполне приличны,
Но пахнут пылью и едят отвратно,
Хоть врут зевакам, что живут отлично.

Старьевщики, и те воротят ноздри,
Когда им предлагают их обноски,
Суфлёра нанимать в театр поздно,
Ведь головы марионеток плоски.

Они лишь открывают рты наружу,
А говорят за них совсем другие.
Их кругозор вертепом напрочь сужен,
Сердца, как кулачки, у них пустые.

Они себя баюкают надеждой,
Мол, отыграем в комиксах и – в дамки.
Но все кончают в мусорке невежды, —

Излюбленный финал постыдной драмки.

«Когда кончается халява...»

Когда кончается халява,
И подступает злой писец,
Плебс начинает мыслить здраво,
Мол, просто сука царь-отец.

«Хлобысь, и зазвенело у врагов...»

Хлобысь, и зазвенело у врагов
От слов царя в ушах, мозгу и жопе.
Царь был расхлябан, но вполне суров,
За двадцать лет он совесть напрочь пропил.

Враги поджали губы и пошли
Писать свои нехитрые протесты.
Задвигали войска они вдали,
Ища себе спокойствия и места.

А царь прилёт с трудов на боковец,
Поддержанный величием народа,
Которому давно пришёл звездац.
На звездецы всегда у плебса мода.

Хоть скрепоносно мается народ,
Он ждёт врагов к себе на растерзанье,
Но сам без понуканий тупо мрёт,
Под стёб властей не приходя в сознание.

Многоточие жизни

Как мало надо старикам!
Всего-то капельку вниманья.
Досталось много их рукам,
Сердцам и душам, и сознанию.
Они хлебнули через край
Репрессий, голода, обстрелов...
Надеясь, что настанет рай
Для внуков, умирали смело
За Родину, за отчий дом...
Но нет обещанного рая.
Всё так же правит страшный гном,
Герои нищие – страдают.
Наверно, так заведено,
Что за любовь – позор и плаха.
Так повелось давным-давно,
Что власть потворствует без страха
Лишь паразитам и лжецам,
А честных гнёт, ломает, гонит...
И нашим дедам и отцам
Сулит подачки вор в законе.
Живи – не жди, что будешь сыт,
Умри – забудь, что будешь в святцах.
Ты при рождении убит.
Чего герою волноваться.

Игра в дурака

Колода карт засалена и мята,
Затёрся старый крап и козырь бит.
Но шайка шулеров и так богата,
И хоть пахан-дерьмо, да чисто брит.

Подмигивают черви, сучат бубны,
И у крестей немалый здесь гешефт.
Вальты выходят в короли подспудно,
И вылезла с панели дама треф.

Шестёрки сами никуда ни шагу,
Не светит им карьера до тузов.
Для этого всегда нужна отвага,
Не каждый трус на подвиги готов.

Идёт игра, смеркается, огнями
Сияет дурно пахнувший шалман.
А время ходит, крутит шестернями,
Творя всех умиляющий обман.

Про поэтов

В сакральной памяти поэта
Должна храниться соль земли.
Увы, поэтов песня спета,
Хороших – в топку замели,

А тех, что дурь свою итожат,
Собрали кучно под надзор.
Пускай на сайтах рифмы множат,
Быть нынче дурнем – не позор.

Поэтки – Сциллы и Харибды,
Могучи грудью иль плоски,
Но все любительницы кривды,
Но все страдают от тоски.

И в этом списке благородном
Болтаюсь в проруби ума,
Как в океане многоводном,
Песчинкой малой – я сама.

Что делать мне, хандрой хвораю,
Плывя над океанским дном,
И, как спасти язык, не знаю,
Не стать бы лишь самой дерьмом!

Не убояться б лютой казни
Мне за несдержанность словес
И не погрязнуть бы в маразме
С моими рифмами и без.

Скрепоносцам и холуям

Что напоследок вам сказать,
Давно не плачусь я в жилетки.
Я демократии не мать,
И графоманы мне не детки.
Меня ни слава не влечёт
И ни иные знаки спеси,
Я не преследую расчёт,
Не падка на потуги лести.
Пишу от скуки бытия,
Когда смотреть на гадство тошно,
Была бы незаметной я,
И то не стала б заполошно
Кричать, мол, жду от вас, друзья,
И комплиментов, и вниманья,
Всего в достатке у меня
Бывало. Я пришла в сознание
Давно, мне было мало лет,
Когда стихи мои хвалили.
Апломба не было и нет,
Поскольку все идём к могиле.
Спасибо бабушке моей, —
Молилась за меня старушка,
Всевышний не продлил ей дней,
Исповедальней мне подушка
С тех пор, да в церкви иерей.

Я злости к жизни не питаю
И не прошу рублей у ней,
И очень многого не знаю,
Но вижу, что идёт к концу
Мрак человеческих фанаберий,
И быть терновому венцу
У судных Божеских преддверий,
Где Он взыскует за грехи,
И где нелепы оправдания,
Где не нужны ничьи стихи,
А лишь поступки и дерзання.
В державно-бомбовой стране,
Где нищета и безнадёга,
На чьей мы нынче стороне,
Что завтра скажем перед Богом?
Мне заливают сердце стыд
За ваше подлое молчанье,
Позор лишь кровью будет смыт,
Вне заслуг лет и дарования.
Самонадеянный гибрид,
Чума безлюдного пространства,
Чугунно-медный монолит,
Народ – преемник окаянства,
В ком нет ни совести, ни дум,
Ни чувства самосохраненья,
Ты безнадёжен и угрюм.
Пиши свои стихотворенья!

Не к этим

Паденье вниз там названо полётом.
Восторжен люд, над пропастью паря,
И перья распушили идиоты,
Крича всем скопом дружное «уря!»

Вот-вот взойдёт заря над Москвабадом,
Ещё чуть-чуть, «настанет светлый рай»...
Посыпались мечты на землю градом,
Лишь только их быстрее подбирай.

Мечта к мечте – несметное богатство.
Из девяностых выбрались братки,
Чтоб воровать, а не за мир бодаться.
Под маской власти – хищные зверьки.

Они изобретают, как под прессом
Им выдавить из люда красный сок.
Шакалы соблюдая интересы,
С награбленным со всех несутся ног

На Запад, – им пугая жертв разбоя, —
Там дети, жёны, челядь и родня...
Но идиоты чтят их, как героев,
Терпилам не прожить без них и дня.

Под пентаграммой молятся столетье
Они, раскрыв восторженные рты,
Встречая грудью ветер лихолетья,
Как продолжение ленинской мечты.

Их жгли, морили, вешали, стреляли,
Пытали, убивали их детей,
Они доносы на друзей писали
И выродились. Просто, без затей.

«Не верь, не бойся, не проси», – не к этим.
У этих нет ни гордости, ни сил,
Ни чести, так что, в рай напрасно метят.
Народец этот сам страну убил.

«Месяц, лодочкой качаясь...»

Месяц, лодочкой качаясь,
Тихо плещется в воде.
Звёзд серебряную завязь
Ночь вплела в свою кудель.

Нежно ткёт она паучьи
Незатейливые сны,
Мирно нижеет на обручье
Тени, хладны и влажны.

Звук роняет сокровенный
Старый сторбленный орех, —
Плод срывает ветер ленный..
А туман струится вверх,

На холмы вползая змейно
Меж дремучих валунов,
Берег кутая келейно
В сон, и чуток, и пухов.

Месяц движется на запад
К перекатам водяным,
И плывёт полынный запах
Вместе с ветром кочевым.

Все люди братья

Бандитам, барыгам, б-дям и банкирам
В стране-паразите живётся ништяк.
А все остальные пусть штопают дыры,
Никто же не даст им харчиться затак.

На что наработали, то и имеют,
Свои голоса отдавая за смерть.
Пускай возражать власти больше не смеют,
Должны отпахать, а потом умереть.

Всё будет по плану, читай, по понятиям.
Рабов слишком много, пора убавлять.
Никто ведь не спорит, что люди здесь – братья,
Одни, чтоб давать, а другие – лишь брать.

«Плачет ветер полуночный...»

Плачет ветер полуночный
Над последнею листвою
В час глухой и неурочный,
Словно в скорби мировой.

Тропари его призывны,
Ноты жалобно-глухи
И томительно-надрывны,
То проявны, то тихи.

Он бельё сырое треплет,
Рвёт его из-под прищеп
И с минутой каждой крепнет,
И становится свиреп.

И уже не плачет больше,
Воет в голос под окном,
На предзимний холод ропщет,
Этим холодом ведом.

Рвёт листву с ветвями вместе,
Убыстря вольный бег,
И кружит в полях предместий
Первородный чистый снег.

«Вновь осень надела ноябрьскую схиму...»

Вновь осень надела ноябрьскую схиму,
Туманом укрыта чернёная даль.
Последнее золото ветром гонимо, —
Фальшивомонетчик, бродяга и враль,
Раскаянья чуждый, он носит со свистом
Вдоль тракта дорожного сор и листву.
Но осень, ступая предгорьем холмистым,
Незряче внимает его шутовству.
Чело её влажно, и взор неподвижен,
Все мысли её о покое и сне,
А ветер, её невниманьем обижен,
Бросает ей под ноги колющий снег...
Таинственны сумерек мглистые чары,
Подёрнутый тучами, мёртв небосвод.
И выходки ветра безумного стары,
И осень неспешно на убыль идёт.

«В Кремле смешались кони, люди...»

В Кремле смешались кони, люди,
Непруха вылезла вперёд.
Чью требуху внесут на блюдо,
Узнаем мы под Новый год.

Как просто всё, противно даже,
И заморожены счета...
Съедят того, кто толще, глаже,
И чья заметна суета.

А в телевизоре победы
Сменяют радужность побед.
Но ложка хороша к обеду,
Обеда нет – и ложки нет.

Какие будут коленкоры,
И к бабке можно не ходить.
Сто лет строною правят воры.
За их здоровье будем пить,
Попутно – сухари сушить.
И прекращайте разговоры,
Власть не намерена шутить!

Плоть от плоти

Он всю страну истратил на войну, —
Он трупами забрасывал Европу.
Он гнал народ, как за волной волну,
На смерть, — на что ещё нужны холопы.
Стратегия его была — вперёд.
Он не жалел и не давал пощады
Ни малому, ни старому, и вот
Придумал для солдат заградотряды.
Он бил своих и ужасал чужих,
Взрывая мины детскими телами,
Он разделял и властвовал, и лих
В расправе был он с мнимыми врагами.
Он замесил крутое тесто лжи,
Он пищу дал певцам преступной славы,
Вокруг него сплотились не мужи,
А хищные, преступные оравы.
Никто не знал, когда за ним придут,
Все слушали ночами каждый шорох,
Из троек состоял владычный суд,
Вершили судьбы каторга и порох...
Так что ж теперь опять его на щит
Безумцы поднимают то и дело?
Кровавой пелены в глазах дрожит
Знакомый отблеск, «патриоты» смело
«Лес рубят, щепки в стороны летят», —

Талдычат глупость зверя-недоучки,
Но сами вряд ли в землю лечь хотят,
Хотя Россию довели до ручки
Молчаньем перед выжигами. Зло
Имеет свойство множиться незримо.
Мерзавцам с нашим людом повезло,
Привычным к людоедскому режиму.
Не так уж много нам осталось лет,
И русский этнос канет безвозвратно,
И не оставит в этом мире след,
Убитый за столетия стократно.
Есть новый людоед, кому в пример
Расстрельные деяния рябого,
Он так же беспардонен, алчен, сер,
Он не придумал ничего иного,
Как только множить ненависть и страх,
И к войнам культивировать восторги,
Пугая страны с пеной на губах,
Плебей, любитель роскоши и оргий.
Глупцы опять довольны, ведь до них
Пока что не дошли тирана руки,
А что Россию снова бьют под дых,
Они не замечают, близоруки.
Они возводят тех на пьедестал,
Кто Родину ударит побольнее,
Кто дедов их, увы, не дострелял,
Кто внуков обездолит половчее.
Бессмыслен спор с упоротым рабом,
Чужую боль не знают иждивенцы,

Держащие страну под сапогом, —
У всех у них желудок вместо сердца.
И стоит только правду сунуть в нос,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.